

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНОВ НАТУРОПЛАТЫ В РАБОТЕ МТС ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из важных задач развития сельского хозяйства Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны являлось обеспечение выполнения планов хлебозаготовок и натуроплаты за работу МТС. Хотя война внесла существенные коррективы в структуру заготовок, основные каналы их поступлений в принципе оставались прежние. Как и до войны, главным видом сельскохозяйственных продуктов являлись обязательные поставки колхозами зерна, картофеля, овощей, технических культур, мяса, молока и т.п. Вторым по значимости каналом заготовок также оставалась натуральная оплата колхозов за работу МТС, однако из-за уменьшения объема тракторных работ вплоть до 1943 г. включительно происходило ее относительное и абсолютное сокращение (*Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945 г. История и психология подвига. М., 2003. С. 183–184*).

Как известно, натуроплата определялась количеством гектаров «мягкой пахоты», выработанных МТС. Оплата производилась по ставкам в зависимости от урожайности, но не фактической, а видовой, т.е. ставки искусственно завышались. В связи с этим колхозы пытались снизить видовую урожайность, а руководство МТС, напротив, завысить ее. Поэтому оценка видовой урожайности часто проводилась очень примитивно, с помощью простой метровки. В некоторых случаях директора МТС и районных земельных отделов намеренно повышали видовую урожайность. Учитывая факт, что между видовой и фактической урожайностью существовало большое несоответствие, объемы натуроплаты стали резко сокращаться.

В годы войны продолжал действовать предвоенный метод видového расчета урожайности и начисления государственных заготовок и натуроплаты за работу МТС. Несмотря на множество недостатков этой политики взимания зерна с колхозов в условиях войны, исчисление урожайности с площади пашни объективно подталкивало к предельной мобилизации продовольственных ресурсов в руках государства. Полный расчет с государством по хлебопоставкам стал одной из непререкаемых заповедей, которая неуклонно проводилась в жизнь даже в тех случаях, когда приходилось сдавать практически весь хлеб, включая семенной, фуражный и, предназначенный для выдачи колхозникам за трудодни (*Там же. С. 187*).

В то же время следует подчеркнуть, что план натуральной оплаты зерновых культур в СССР в годы войны значительно снизился. В

целом динамику понижения плановых показателей натуроплаты МТС можно представить следующим образом; «в 1940/1941 г. она составляла 873,7 млн пуд., 1941/1942 г. — 574,5 млн пуд., 1942/1943 г. — 251,3 млн пуд., 1943/1944 г. — 151,1 млн пуд., 1944/1945 г. — 274,1 млн пуд.» (Попов В.П. *Хлеб как объект государственной политики в 1940-е годы // Отечественная история. 2001. № 2. С. 52*).

В целях предупреждения «антигосударственной политики», осуществляемой колхозами по снижению объемов хлебозаготовок по линии натуроплаты, советские и партийные органы на местах проводили большую организаторскую работу. К примеру, в Красноярском крае было запрещено колхозам создавать различные фонды, кроме семенных, до выполнения плана обязательных поставок и натуроплаты за работу МТС. Наряду с этим, директоров и начальников политотделов МТС обязали в краткие сроки вручить колхозам счета по натуроплате и организовать ее сдачу наравне с обязательными поставками. Кроме того, руководителям МТС предложили применять к колхозам, неаккуратно выполнявшим планы натуроплаты, санкции, предусмотренные договорами МТС с колхозами. Также директора и начальники политотделов МТС были предупреждены о личной ответственности за своевременное поступление натуроплаты от колхозов (*Об итогах уборки урожая и задачах партийной организации в области хлебозаготовок и других сельскохозяйственных продуктов: постановление X пленума Красноярского крайкома ВКП(б) от 7 декабря 1942 года // Красноярский рабочий. 1942. 14 окт. С. 2*).

Борьба за зерно и продовольствие достигла критической точки в 1943 г. Это выразилось в том, что заметно ухудшилось положение в МТС, которые уже не могли оказывать колхозам всестороннюю помощь. Низкая квалификация механизаторов, отсутствие запасных частей нередко приводили к несвоевременному выполнению ремонтных работ и частым поломкам техники. В этой ситуации на партийные организации республик, краев, областей и политотделов МТС и совхозов ложилась большая ответственность по выполнению планов хлебозаготовок и натуроплаты. В Красноярском крае, например, большинство директоров МТС и совхозов получили строгие партийные и административные взыскания, а многие — по два, три выговора (Анисков В.Т. *Указ. соч. С. 200*).

В то же время, на пленуме Красноярского крайкома ВКП(б) в феврале 1943 г. было решено проводить «... работу по заготовкам хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, привлекая к суровой партийной и государственной ответственности саботажников и лиц, оказывающих под различными предлогами сопротивление заготовкам хлеба...» (*Об итогах сельскохозяйственного года и задачи партийных организаций в подготовке и проведении весеннего сева 1943 г.: постановление XI пленума Красноярского краевого комитета ВКП (б) // Красноярский рабочий. 1943. 27 февр. С. 2*). В некоторых случаях стремление колхозов при-

пасти даже семена оценивалось, как нежелание увеличивать заготовки, а резкое снижение хлебопоставок в 1942–1943 г. официально квалифицировалось как «саботаж». В частности, прокурор Красноярского края т. Гуков сообщал в 1942 г. на пленуме крайкома ВКП(б), что органы прокуратуры осенью привлекли к уголовной ответственности 29 руководителей колхозов «...за проявление антигосударственных тенденций, за нарушение закона об авансировании» (*Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). Ф. 26. Оп. 3. Д. 305. Л. 136–137*). Начальник политсектора Красноярского крайзо И.Е. Кандрацков в своих выступлениях в октябре 1942 г. отмечал, что в колхозах Светлолобовской МТС было замечено превышение, допустимого законодательством авансирование колхозников. Нередко возникали ситуации, когда руководители колхозов сознательно шли на повышение размера выплаты аванса колхозникам. Так, председатель сельхозартели «Аврора» т. Киселев заявил, что в случае передачи хлеба государству, согласно требованиям СНК СССР и ЦК ВКП(б), «колхозники не выйдут на работу, падет трудовая дисциплина». Колхозники элементарно голодовали и были обессилены. Однако начальник политсектора МТС однозначно квалифицировал это заявление как «...факт кулацких антиколхозных рассуждений и прямого саботажа» (*Там же. Л. 113*).

В другом случае директор Бочкаревской МТС Читинской области А.И. Казаков и начальник политотдела А.Ф. Голубь писали в вышестоящие органы власти, что в зоне их МТС насчитывается 32 колхоза. Из-за недорода лишь путем замены мясом удалось на 70% выполнить план хлебопоставок. В эти же проценты пошли семена и все, что могло быть выдано на трудодни. «Уже сейчас запасы хлеба кончились и никаких перспектив к покупке и займу нет. Имеют место случаи опухания от недоедания, а также уже есть смертельные случаи» (*Анисков В.Т. Указ. соч. С. 384–385*).

Чрезвычайные условия диктовали, «а то и просто служили поводом (бывало и так) применения жестких мер, мало отличавшихся от методов продразверстки «военного коммунизма». Сложившаяся еще в мирное время система заготовок и натуроплаты за работу МТС во время войны нуждалась не столько в радикальном пересмотре, сколько в усилении и даже абсолютизации прежних начал... Унитарное государство в огосударственных колхозах, не говоря об МТС и совхозах, стало почти единоличным распорядителем и обладателем «колхозной» продукции. Таким образом, предельно огосударственное «коллективное» хозяйство практически целиком оказалось отчужденным от экономических интересов крестьян» (*См. подробнее: Анисков В.Т. Указ. соч. С. 195–196, 205*).

Такое положение по натуроплате сложилось в целом по Восточной Сибири. Так, «общий объем заготовок за 1940 и 1945 г. по объективным причинам сократился в Бурятии более чем в 3 раза, а выплата по

договорам за работу МТС — более чем в 5 раз» (*Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф.р-1145. Оп. 1. Д. 187. Л. 35*). Таким образом, если перед войной «заготовки по линии натуральной оплаты даже несколько превышали обязательные поставки, то в 1945 г. они уступали им почти на 35%» (*Базаржапов В.Б. Крестьянство Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Улан-Удэ, 1996. С. 27*). В Читинской области на 10 сентября 1944 г. при годовом плане натуроплаты 28568 т поступило 998 т, т.е. выполнение составило 3,4%. Такая же ситуация сложилась в области и на сентябрь 1943 г., когда при годовом плане — 43 761 т было выплачено колхозами всего 2145 т (4,9%) (*Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. П.-3. Оп. 1. Д. 1920. Л. 2*). В Красноярском крае МТС за 1944 г. заработали в 5 раз меньше натуроплаты, чем в предвоенный 1940 г. (*Пятая Красноярская краевая партийная конференция // Красноярский рабочий. 1945. 21 февр. С. 1*).

Одной из причин падения плана натуроплаты, по мнению т. Гудилина, секретаря обкома ВКП(б) Хакасской автономной области, являлось то, что «часто игнорировались договоры, заключенные между МТС и колхозами, которые практически не соблюдались. В свою очередь, райисполкомы перестали их заверять, а работники МТС не отчитывались перед колхозниками о выполнении этих договоров, уклонялись от общественной критики» (*Третий пленум Хакасского обкома ВКП(б) (доклад секретаря обкома тов. Афанасьева) // Советская Хакасия. 1944. 26 дек. С. 2*). В соответствии с этим, отношение колхозов к уплате натуроплаты было также необязательным. Например, колхозы Рыбинского района Красноярского края из года в год не выполняли плана натуроплаты. Только за 1942 г. недоимки по натуроплате составляли 15 900 ц. Между тем один из председателей колхозов по этому поводу заявлял: «натуроплата — это не хлебопоставки, с ней можно не торопиться». Такого же мнения придерживались и другие руководители колхозов района» (*Псурцев Н. Хлеб лежит на токах // Красноярский рабочий. 1943. 7 сент. С. 3*).

В сложившейся ситуации ЦК ВКП(б) и СНК СССР в своем постановлении «Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1943 году» потребовали, чтобы из каждой партии сдаваемого колхозами зерна половину зачислять в счет обязательных поставок, а другую половину в счет натуроплаты работы МТС. «Однако это указание грубо нарушалось в ряде районов Красноярского края. Так, обслуживаемый Частоостровской МТС, колхоз «Новая жизнь», Емельяновского района сдал зерна в счет хлебопоставок 280 ц и ни одного кг в счет натуроплаты. Колхозы, обслуживаемые Устюжской МТС, сдали в счет госпоставок 2 716 ц, а в счет натуроплаты только 294 ц. При этом директора и старшие бухгалтера МТС не проявляли заботы и не боролись за своевременную сдачу хлеба» (*Выше темпы хлебодачи // Красноярский рабочий. 1943. 14 сент. С. 3*).

Таким образом, в годы войны в стране изменилось соотношение между основными формами заготовок хлеба государством. До войны основными источниками поступлений зерна были натуроплата за работы МТС и обязательные поставки. В годы войны увеличилось количество зерна, поступавшего по обязательным поставкам (с 43,3 до 53,2%), в связи с уменьшением машинно-тракторного парка МТС снизилась доля натуроплаты (с 45,3 до 32%) (Зеленин И.Е. *Вклад тружеников сельского хозяйства в достижение победы в Великой Отечественной войне // История СССР. 1985. № 3. С. 99–100*). Все это тяжело отразилось на реализации выполнения планов натуроплаты в работе МТС Восточной Сибири в военные годы.

В.П. ЯГОВКИН

РОЛЬ ПРОФСОЮЗНЫХ КОМИТЕТОВ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИБИРИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАУКИ С ПРОИЗВОДСТВОМ (70-е гг. XX в.)

Как известно, в рассматриваемый период профсоюзы, в силу застарелости форм и методов деятельности, бюрократизации и других причин, со своей задачей школы управления и хозяйствования не справились. Это, как показало изучение вопроса, имеет прямое отношение и к научным учреждениям Сибири.

В то же время, такая категоричная оценка деятельности профсоюзных комитетов Сибири в 1970-е гг. не должна заслонять и того факта, что эти общественные объединения, совместно с другими организациями, в своей повседневной работе в определенной степени содействовали решению вопросов повышения активности исследовательского труда, внедрения в практику промышленного и сельскохозяйственного производства научных достижений.

В рассматриваемый период проблемы необходимости повышения роли профсоюзных комитетов в укреплении науки и практики нашли отражение не только на уровне съездов КПСС, местных партийных комитетов, но и съездов профсоюзов, в решениях пленумов и президиумов ВЦСПС (См. *Материалы XVI съезда профессиональных союзов СССР. М., Профиздат, 1977*). Как показало изучение вопроса, большой толчок развитию активности профсоюзных организаций научных учреждений Сибири в 1970-е гг. оказало требование партийных органов по улучшению организации соцсоревнования.

Конкретизировали постановку этого вопроса XV (1972 г.) и XVI (1977 г.) съезды профсоюзов. В их решениях справедливо отмечалось, что соревнование должно ориентировать массы на эффективное и более быстрое внедрение научно-технических достижений в производс-